

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. «Это дивное изобретение»	7
1. Воздушный замок	35
2. Вечный двигатель	69
3. Разрушительные силы	110
4. Риф из мёртвых метафор	168
5. Созидательные силы	207
6. Жажда порядка	244
7. Развитие языка	297
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	368
Приложение А. Подвижные категории	390
Приложение В. Снова ларингальные?	403
Приложение С. Дьявол в деталях	408
Приложение D. Контрапункт повара	418
Приложение Е. Турецкое зеркало	424
ПРИМЕЧАНИЯ	434
БИБЛИОГРАФИЯ	468
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	484
БЛАГОДАРНОСТИ	493
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	495
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	497

Посвящается Джейни

maṣṣar šulmim u balāṭim ina rēšiki ay ipparku¹

¹ Вы можете провести отпуск в парке (*мальт.*).

Введение

«ЭТО ДИВНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ»

Среди многочисленных изобретений человечества языку по праву принадлежит первое место. Другие изобретения — колесо, сельское хозяйство или расфасованный хлеб в нарезке — изменили, быть может, наш материальный быт, но именно появление языка сделало человека человеком. На фоне языка значение всех прочих изобретений меркнет: всё, чего мы достигли, связано с языком и проистекает из него. Без языка нам никогда не удалось бы достичь нашей небывалой власти над всеми остальными животными и даже над самой природой.

Но языку принадлежит первенство не только по праву первородства. Он сам по себе — инструмент необычайной сложности, притом в основе его лежит идея, гениальная по простоте:

...это дивное изобретение — составлять из каких-то двадцати пяти или тридцати звуков то бесконечное множество выражений, которые, не имея сами никакого сходства с тем, что происходит у нас в голове, позволяют нам поведать другим все его тайны, сделать доступными вещи, недоступные для чужого ума: всё наше воображение и все наши душевные порывы.

Так в 1660 году определили сущность языка знаменитые грамматики аббатства Пор-Рояль под Версалем, и эта похвала его величию с тех пор осталась непрезойдённой. В этих дифирамбах есть лишь одно слабое место: за стремлением воздать дань уникальным заслугам языка кроется простое, но важное противоречие. Язык — величайшее изобретение человечества... вот только его никто никогда не изобретал.

Этим очевидным парадоксом и обусловлен наш интерес к языку, и с ним связаны многие из его загадок. И как раз об этом моя книга.

Язык зачастую кажется столь искусно сконструированным, что так и напрашивается мысль, будто к его совершенству приложил руку умелый мастер. Как иначе этот инструмент смог бы извлечь так много возможностей из трёх десятков жалких звуковых отрывков? По отдельности все эти положения языка и губ — *n, ф, б, в, т, д, к, г, ш, а, и* и прочие — представляют собой не более чем беспорядочное фырканье и лепет, случайные шумы, лишённые смысла, лишённые способности что-либо выразить или объяснить. Но пропустите их через маховики и шестерёнки языковой машины, расположите их в особом порядке, и бессмысленные сотрясения воздуха станут всемогущими, они сумеют выразить как заевшую рутину жизни («Не сегодня, Жозефина»), так и фундаментальные законы Вселенной («Всякое тело продолжает удерживаться в своём состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние»).

Самое замечательное в языке, однако, то, что для того, чтобы запустить работу его механизмов (запустить его механизмы), не надо быть Наполеоном или Ньютоном. Языковая машина позволяет любому — от доиндустриальных охотников-собирателей в субтро-

пической саванне до постиндустриальных философов в мегаполисах — соединять бессмысленные звуки в бесконечное множество смыслов, притом явно без малейшего напряжения. Но как раз в силу этой обманчивой лёгкости язык и оказывается жертвой собственного успеха, ведь в быту достижения обычно воспринимаются как должное. Механизмы языка работают столь безупречно, что мало кто задумывается о том, сколько изобретательности и опыта потребовалось, чтобы их запустить. Язык скрывает своё искусство.

Нередко лишь эффект остранения при изучении иностранных языков, с их заморскими диковинными правилами, заставляет осознать, какое это чудо — устройство языка. Один из самых ярких примеров — способность некоторых языков нагромождать слова такой длины, что с ходу и не выговорить, и выражать одним словом то, для чего в английском языке потребовалось бы целое предложение. Например, турецкое слово *şehirlileştiremediklerimizdensiniz* обозначает ни больше ни меньше как одного из тех, про кого говорят «можно вывезти человека из деревни, но нельзя вывести деревню из человека». (Если что, эта чудовищная конструкция действительно составляет одно слово, а не просто много разных слов, слепленных вместе, — большинство его частей даже не употребляются по отдельности.) И если этот пример кажется одиночной аномалией, то давайте возьмём шумерский язык, на котором около пяти тысяч лет назад говорили на берегах Евфрата те, кто изобрёл письменность и, стало быть, положил начало истории языка. Об истории языка рассказывается на с. 13. Такое шумерское слово, как *munintuma'a* (когда он обустроил его для неё), может показаться довольно компактным по сравнению с приведённой выше турецкой машиной. Но удивительна в нём не длина, а как раз, наоборот, экономность и сжатость конструкции. Слово состоит

из различных «блоков»: mu—n—i—n—tum—□—a—'a, каждый из которых относится к определенной части значения. Благодаря этому элегантному принципу отдельные звуки могут передавать полезную информацию, и даже отсутствие звука используется для того, чтобы выразить что-то определённое. Но если вы собирались поинтересоваться, какой элемент шумерского слова соответствует английскому it (его), то ответом будет... никакой. Вернее, не совсем никакой: это пустая ячейка посередине. Технология языка обладает столь тонкой настройкой, что даже «не звук», когда он специально ставится в определённой позиции, наделяется особой функцией. Кто же мог придумать такую хитроумную штуковину?

У меня самого интерес к подобным вопросам возник ещё в детстве, когда я впервые столкнулся с причудливой и сложной структурой иностранного языка — латинской системой падежей. На тот момент меня не особенно смущало, что для изучения языка приходится заучивать много новых трудных слов. Но в устройстве латыни обнаружилось совершенно незнакомое мне понятие — любопытное, но вместе с тем затруднительное. В латыни у существительных не одна форма, а множество различных форм и размеров. Всякий раз, когда используется существительное, к нему присоединяется окончание, которое точно определяет его роль в предложении. Например, если вы хотите сказать «кактус колется», то вы употребляете слово *cactus*, но если это не кактус уколол вас, а вы его «укололи» (сорвали), нужно не забыть, что тогда это слово звучит как *cactum*. Если вы укололись «кактусом», то нужно говорить *cacto*, а если собираете плоды «кактуса», то надо сказать *cacti*. Если же вы захотите обратиться непосредственно к кактусу («О кактус, как остры твои колючки!»), тогда придётся использовать опять же другое окончание, *cacte*. У каждого слова бывает до шести

падежей¹, а у каждого падежа зачастую — отдельные окончания для единственного и множественного числа². Чтобы дать представление о сложности этой системы, список окончаний существительного *cactus* приводится на следующей странице:

cact- us	«кактус колется»	cact- i	«кактусы колются»
cact- e	«О кактус!»	cact- i	«О кактусы!»
cact- um	«я сорвал кактус»	cact- os	«я сорвал кактусы»
cact- i	«кактуса»	cact- orum	«кактусов»
cact- o	«кактусу»	cact- is	«кактусам»
cact- o	«кактусом»	cact- is	«кактусами»

Причём, как будто и так мороки недостаточно, окончания неодинаковы у всех существительных. В латыни как минимум пять разных групп существительных, у каждой из которых собственный набор окончаний³. Так что, если вам, например, нужно поговорить не о кактусе, а о колючке, нужно вспоминать совершенно другой набор окончаний.

Отчаянно пытаюсь заучить наизусть все латинские падежные окончания, я проникся глубоко неравнодушным отношением к этому предмету, вот только не был уверен, что это за отношение — больше любовь или ненависть. С одной стороны, стройная сеть форм и значений произвела на меня сильное впечатление. Передо мной была замечательная структура, основан-

¹ Лингвистические термины, используемые в этой книге, разъясняются в разделе «Словарь терминов» на с. 484.

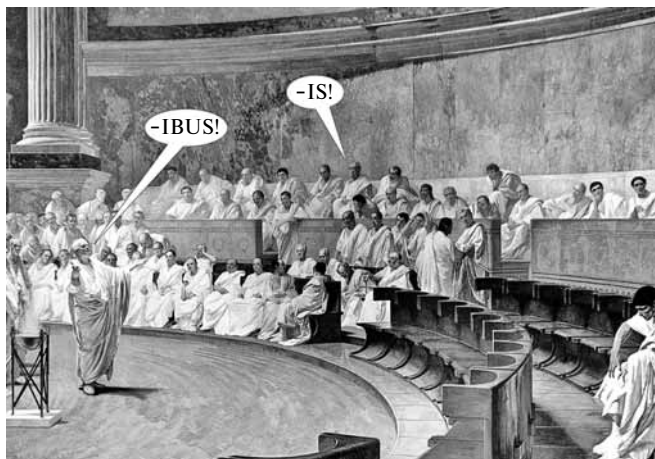
² Разумеется, для русскоязычного читателя это не экзотика, но, по-видимому, не слишком облегчает изучение латыни: всем известны страдания дореволюционных гимназистов из-за латинской грамматики. — *Прим. пер.*

³ Дойчер говорит о склонениях. В русском языке склонений три, в латыни — пять. — *Прим. пер.*

ная на простой, но вдохновенной идее: присоединять к существительному краткие окончания, чтобы разделить его функцию в предложении. Благодаря этому ловкому приёму латынь — столь ёмкий язык, что она способна изящно выразить в нескольких словах то, для чего таким языкам, как английский, требуются длинные предложения. С другой стороны, латинская падежная система казалась произвольной и избыточно усложненной. Ну, например, для чего понадобилось так много разных наборов окончаний для всех этих разных групп существительных? Почему бы не сделать только один набор окончаний — под одну гребёнку? Но больше всего меня беспокоил другой вопрос, от которого я никак не мог отделаться: кому вообще было под силу выдумать все эти окончания? А если их никто не выдумывал, как тогда могла возникнуть столь сложная система правил?

Моему детскому воображению представлялось, как древнеримские старейшины, собравшись на заседание в жаркий летний день, обсуждают, какими должны быть окончания падежей. Сначала они решают голосованием, что окончание множественного числа родительного падежа («кактусов») будет *-orum*, а затем начинается спор о множественном числе дательного («кактусам»). Одна сторона голосует за *-is*, а другая страстно отстаивает вариант *-ibus*. После ожесточённых дебатов они, наконец, приходят к дружескому компромиссу. Они постановляют, что существительные в языке следует разделить на разные группы, и что у одних существительных будет окончание *-is*, а у других *-ibus*.

С рациональной точки зрения я отчасти понимал, что эта версия не слишком правдоподобна. И всё же я не мог представить себе убедительной альтернативы для объяснения, откуда взялись все эти окончания. Если эту хитромудрую систему правил не придумывал

какой-то разработчик и её не утверждали на доисторическом заседании, как же она появилась?

Конечно, я не первый, кто задавался подобными вопросами. С незапамятных времён происхождение виртуозно устроенного механизма языка будоражило воображение учёных и мифотворцев. В древности ответ на все эти вопросы давало Священное писание: как всё земное и небесное, язык был сотворён, и его чудесные свойства объяснялись личностью его творца. Язык провозглашал славу Господа, а успехи языка демонстрировали искусство творения.

Но если язык имеет божественное происхождение и был ниспослан Адаму в готовом виде, как тогда объясняются его многочисленные несовершенства? Например, зачем человечеству так много разных языков, каждый из которых может похвастаться собственным набором трудностей и исключений? Конечно, в Библии находится объяснение и этим проблемам. Бог вскоре пожалел о том, что дал человечеству такое орудие, потому что язык сделал людей более могу-

ществственными — слишком могущественными, а со словом пришло воображение, отчего им захотелось ещё большей власти. Их желания не ведали предела, «и сказали они: “Построим себе город и башню, высотой до небес”». И вот, чтобы обуздать их самонадеянную горделивость, Бог рассеял людей по всей земле и смешал их языки. Беспорядочное многообразие языков, таким образом, объяснялось Божьим наказанием человеческой гордыни.

Сюжет о вавилонской башне служит ярким напоминанием о могуществе языка и, безусловно, предостережением от эксцессов, к которым может привести это могущество. В наше время, однако, историю божественного сотворения или смешения языков в наказание людям за их глупость невозможно воспринимать буквально. Но выдвигались ли с тех пор какие-нибудь более убедительные объяснения?

В XIX веке, когда начались по-настоящему научные исследования языка, сперва казалось, что решение этого вопроса не за горами. С тех пор как лингвисты занялись систематическим изучением истории языка и добились успехов в понимании его самого удивительного свойства — непрерывных изменений, которые претерпевают слова, звуки и даже конструкции с течением времени, — они полагали, что, вне сомнений, найдут ключ ко всем тайнам и установят, как возникла вся система языковых правил. Увы, когда лингвисты углубились в историю европейских языков, «раскопки» то начали «раскапывать» не столько процесс образования новых сложных структур, сколько процесс разрушения старых — слой за слоем. Приведу лишь один пример. Грандиозная система латинских падежей на более позднем этапе истории языка дала трещины, а затем рассыпалась — окончания существительных обветшали и отвалились. Например, у существительного *annus* (год), у которого в класси-

ческой латыни было восемь различных окончаний для разных падежей в единственном и во множественном числе (*annus, anne, annum, anni, anno, annos, annorum, annis*), в дочернем языке — итальянском — осталось только две формы: *anno* в единственном числе (без различия падежей) и *anni* во множественном. В другом дочернем языке, французском, то же слово сократилось ещё больше, так что вовсе потеряло окончание до *an*, причём в устной речи не осталось даже различия между единственным и множественным числом, так как и единственное число *an*, и множественное *ans* произносятся одинаково как {ã} (фигурные скобки используются здесь, чтобы передать приблизительное произношение).

Причём подобный распад претерпели не только языки, происходящие от латыни, и не только в части падежных систем. Древние языки, вроде санскрита, греческого или готского, щеголяли не только чрезвычайно сложными системами падежей у существительных, но и ещё более сложными системами глагольных окончаний, использовавшихся для того, чтобы выразить целый ассортимент затейливых смысловых оттенков. Но опять же, большинство этих конструкций не выдержали испытания временем и разрушилось в нынешних языках-потомках. Казалось, будто, чем дальше лингвисты углубляются в историю, тем интереснее строение слов, которые им попадаются, но, когда они прослеживали развитие языков во времени, единственные процессы, которые удавалось наблюдать, — разрушение и распад.

Все признаки как будто бы указывали на существование некоего золотого века, скрытого где-то в доисторических сумерках (незадолго до изобретения письменности), когда языки обладали безупречно выстроенной грамматикой и, в первую очередь, развитыми наборами окончаний у слов. Но на какой-то